

А. С. МЕДЯКОВ

ЗАПАХ РОССИИ

Статья посвящена неизученному аспекту немецкого образа России – её репрезентации в общественном сознании Германии XIX века посредством запаха. Ставится проблема ольфакторного символизма в образе «другого». Рассматриваются функции и эволюция восприятия запаха юфти как элемента немецкой национальной самоидентификации.

Ключевые слова: национальный символ, образ «другого», самоидентификация, ольфакторный символизм, Германия XIX в., образ России.

В создании образа любой нации огромную роль играют символы, которые делают абстрактные представления конкретными, позволяя её вообразить. Символические фигуры – английский Джон Буль или русский медведь, памятники, гимны, флаги, национальные праздники – все это даёт почувствовать принадлежность к собственной нации и осознать отличия чужой. По большей части это символы, которые можно увидеть, о них прочесть, их услышать, к ним прикоснуться. В этой же статье речь пойдёт о том, какую роль в немецких представлениях о России сыграл совсем иной орган чувств. Её тема – символическое значение запаха.

Несмотря на обилие появившихся исследований запаха как исторического и культурного феномена¹, его значение в создании образа своей и чужих наций остается практически неизученным. Тому есть вполне объяснимые причины. В отличие от визуального символа, национальной песни или патриотического рассказа запах нельзя четко зафиксировать, воспроизвести, размножить, сделать достоянием широкой публики. К тому же существует крайне мало запахов, которые однозначно идентифицировались бы исключительно с одной конкретной нацией. Тем не менее, постановка проблемы запаха как национального символа России возможна именно потому, что подобный однозначно «русский» запах существовал. Одним из самых значимых и распространенных символов России в Германии XIX века был запах «русской кожи», юфти. Причинам появления столь необычного символа, его специфике, функциям и эволюции и посвящена предлагаемая статья.

Следует отметить, что запах всегда играл важную роль в восприятии других народов и культур, причем действовала формула «плохо

¹ Corbin. 1982; Rindisbacher. 1992; Classen. 1993; Symnott. 1993; Classen, Howes, Symnott. 1994; Diaconu. 2005; Ароматы и запахи. 2010.

пахнут всегда другие»². Своя же собственная среда представляется лишенной запаха – подобно тому, как человек обычно не чувствует запаха собственного тела³. Не явились исключением и русско-немецкие отношения. Уже с момента становления немецкого образа России в XVI–XVII вв. расхожими стали представления о том, что русские плохо пахнут. Речь шла в первую очередь о неприятных телесных запахах⁴. Учитывая повсеместно крайне низкий уровень личной гигиены в Европе Раннего нового времени, подобные суждения, с одной стороны, могут быть расценены как свидетельства готовности воспринять чужой запах как неприятный – русские путешественники, со своей стороны, также отмечали «мерзкую вонь», встречавшую их за границей⁵. С другой стороны, речь шла не только о запахах как таковых, но и о контроле над ними. Одной из составляющих так называемого процесса цивилизации и становления нового придворного полита на Западе⁶ был контроль над телесными запахами и отправлениями, и именно на отсутствие такого контроля в русской среде обращали внимание иностранные наблюдатели⁷. Одновременно представление о «дурно пахнущих русских» хорошо сочеталось с возникшим в XVII в. стереотипом «дикого москвитя»⁸, подчеркивая недостаток цивилизованности, «варварство» русских.

Вместе с тем, хотя неприятный телесный запах и служил дополнительной характеристикой немецкого образа России, он никак не мог претендовать на роль ее символа, в первую очередь потому, что не выделял русских из числа других «нецивилизованных народов». Так, например, французские тексты по этому критерию перечисляли в одном ряду «финнов, эскимосов, негров и казаков»⁹. Между тем, уже с XVI и особенно с XVII в. в Европе все больше становился известным запах, который в полной мере мог считаться исключительно «русским» и потому претендовать на символическое значение – запах русской юфти.

Юфть представляла собой специфический сорт кожи. Само слово, по всей вероятности, было заимствовано в XVI в. из персидского и через посредничество русского вошло в другие европейские языки¹⁰. Бу-

² *Diaconu*. S. 230.

³ *Classen, Howes, Synnott*. P. 165.

⁴ «Этот запах столь силен и въедлив, что его едва возможно изгнать из комнаты, в которой прежде жил русский». *Scheidegger*. 1993. S. 48.

⁵ *Строев*. 2010. С. 86-92.

⁶ *Элиас*. 2001.

⁷ *Захарьин*. 2010. С. 283-289.

⁸ *Ниеск*. 1988.

⁹ *Corbin*. 1982. P. 45-46.

¹⁰ *Черных*. 1999. С. 462-463. О производстве юфти см.: *Волков*. 1973.

дучи продуктом чрезвычайно высокого качества¹¹, одновременно очень прочной и эластичной, юфть пользовалась огромным спросом по всей Европе, включая германские государства. П.И. Марпергер, автор руководства по торговле с Россией, писал в начале XVIII в., что для определения качества юфти нужны пять человеческих чувств, но решающее значение имеет её запах¹². При изготовлении юфти использовался березовый дёготь, придававший ей ни с чем не сравнимый аромат. Поскольку все попытки немецких ремесленников разгадать секрет производства юфти или хотя бы сфальсифицировать её, натирая простую кожу дёгтем, не увенчались успехом, в восприятии немцев этот необычный запах оказывался связанным исключительно с кожей из России.

Обращают на себя внимание необычные ольфакторные характеристики юфти: «Сие есть дух столь своеобразный, что никакой другой ему не подобен, и всякий, единожды его вдыхавший, обмануться уже не может... Есть персоны, для коих дух сей приятен, а для других столь отвратен, что и выносить его вовсе не могут», – писала немецкая «Экономическая Энциклопедия» 1784 г.¹³, т.е. речь идет о запахе исключительно сильном и своеобразном, в отношении которого обычные описания запахов по схожести («это пахнет, как...») просто не действовали. Важно и то, как он воспринимался. Обычно самая простая дифференциация запахов человеком совершается быстро и однозначно, с помощью «аффективной поляризации запахов»¹⁴ – путем подразделения их на «приятные» и «неприятные». В случае с запахом юфти подобной однозначности не было, и эта амбивалентность сохраняла возможности как его положительной, так и отрицательной трактовки, в том числе и символической.

К рубежу XVIII и XIX вв. знакомство немцев с юфтью было уже очень долгим, а сам продукт общеизвестным, о чем свидетельствуют, например, немецкие пословицы «крепкий, как юфть», «не из каждой кожи юфть делается» и т.д.¹⁵. Благодаря широте распространения, своеобразию и однозначной идентифицируемости в качестве «русского», запах юфти мог быть востребован в качестве символа России, однако это произошло лишь по окончании Наполеоновских войн.

¹¹ О высочайшем качестве свидетельствует, например, такой поразительный факт: груз русской юфти, поднятый с затонувшего в 1786 г. у английских берегов датского судна «Метта Катарина», не испортился за 200 лет пребывания в соленой воде и был пущен на изготовление эксклюзивных изделий из кожи.

¹² *Marperger*. 1705. S. 114.

¹³ *Krünitz*. 1784. Bd. 31. S. 234.

¹⁴ *Шаал, Руби, Марлье, Суссиньян, Контар, Трембле*. 2010. С. 90-91.

¹⁵ *Wander*. 1870. Bd 2. Sp. 1872; Bd. 5. Sp. 480.

С одной стороны, превращение юфти в символ России и русских было связано с интересом XIX века ко всему «национальному». Создавались национальные истории, сочинялась национальная музыка, описывались национальные характеры. Эта общая тенденция к «национализации» не обошла стороной и запахи. Так, например, немецкий писатель и путешественник Й.Г. Коль утверждал, что «каждая страна и каждая нация имеет свой своеобразный запах..., как, например, литовцы пахнут селедкой, поляки – горилкой, великороссы – юфтью, малороссы – чесноком, индийцы – свойственным им отвратительным запахом кожи»¹⁶.

С другой стороны, превращение запаха юфти в символ России было связано с ростом контактов непосредственно с русскими, результатом которых стало всеобщее убеждение, что не только юфть обладает своеобразным запахом, но и сами жители России источают тот же аромат. Во многом определяющим оказалось пребывание русских войск в Германии во время заграничных походов 1813–1815 гг., являвшихся самым массовым случаем контактов русских с немцами и принесших с собой так называемый «запах казака». Вот как описывал свои детские ощущения от первой встречи с казаками будущий выдающийся немецкий скульптор Э. Ритшель: «мы вились вокруг лошадей и их всадников, которые пахли юфтью; запах, источаемый ими, был столь новым и энергичным, что..., словно чудесный аромат, этот запах юфти манил нас и окутывал казаков в таинственный эфир»¹⁷. Представления о существовании некоего специфического «запаха казака», далеко не всегда выступавшего в качестве «чудесного аромата», были весьма распространенными и иногда даже использовались едва ли не в качестве объективной научной категории. Так, в немецких медицинских справочниках и учебниках первой половины XIX в. «запах казака» назывался в качестве одного из симптомов тифа¹⁸. Преобладавшей же нотой в этом букете была именно юфть.

Убеждение в том, что русские пахнут юфтью, поддерживалось и впечатлениями многочисленных немецких путешественников, приезжавших в Россию. Оценка этого запаха зависела от личных ольфакторных пристрастий – например, речь могла идти о «легком и совсем не неприятном носу запахе юфти», распространяемом группами русских¹⁹. В свою очередь, и русские путешественники в Германии иногда идентифицировались по этому признаку. Так, в частности, произошло со знаменитым хирургом Н.И. Пироговым – случайный попутчик немец-

¹⁶ Kohl. 1841. Bd. 2. S. 113-116.

¹⁷ Rietschel. 1962. S. 14.

¹⁸ Stark. 1838. S.368; Haeser. 1842. Bd. 2. S. 80; Wunderlich. 1850. Bd. 1. S. 180.

¹⁹ Hackländer. 1879. Bd. 2. S. 130-131.

ленно узнал в нем русского по запаху юфти его бумажника и сапог²⁰. Именно благодаря превращению давно известного запаха «русской кожи» в характеристику самих русских сложились предпосылки для его символической трактовки, но востребованными они оказались лишь в специфической политической ситуации Германии после 1815 года.

Как и повсюду в Европе, Россия была объектом критики немецких либеральных и демократических кругов как «бастион реакции» и одна из учредительниц Священного союза, однако в Германии политические мотивы дополнялись национальными: Россия объявлялась виновницей несостоявшегося германского объединения, и потому неприятие и даже ненависть к ней были особенно сильными. Различные образы и метафоры, связанные с юфтью, практически идеально вписывались в эти представления. Юфть ассоциировалась с запахом русской армии и, следовательно, насилия и принуждения. Особенно важным была связь юфти с другими чрезвычайно распространенными символами России: кнутом, сапогом и их обладателем – казаком. Сапог, которым можно попирать, наступать на горло и т.д., и тем более кнут являлись аллегориями порабощения и угнетения, что превращало запах материала, из которого они были сделаны, в своеобразный дух деспотизма.

Превращение запаха юфти в символ произошло в период так называемого Предмарта (Vormärz) – периода 1820-40-х гг., предшествовавшего мартовской революции 1848 года. Особенно ярко это проявилось в политической лирике, публицистике, сатирических произведениях. С самого начала подобная символика отличалась многообразием нюансов, что, в частности, хорошо видно на примере творчества Г. Гейне.

В целом, представления Гейне о России были противоречивыми и непоследовательными²¹, что отразилось и в его «юфтяных» сюжетах. С одной стороны, метафора юфти являлась для него практически синонимом всего русского и, хотя часто имела форму злой насмешки, не несла никаких дополнительных политических смыслов. Так, он писал о «юфтяном зловонии» и «кожаной поэзии» одного из современных ему литераторов, использовавшего русские сюжеты, называл Россию «юфтяной родиной» русских солдат и т.д.²². С другой стороны, юфть была для Гейне также и политическим символом, который, впрочем, мог иметь различное содержание. В знаменитой поэме «Германия. Зимняя сказка» (1844) будущее Германии представляется им как «смесь юфти со старой капустой», что обычно трактуется в качестве намека на союз между ре-

²⁰ Пирогов. 2008. С. 340.

²¹ См. об этом: Kopelew. 1992.

²² DHA. 1979. Bd.VIII/1. S. 230; 1978. Bd. XI. S. 162; 1980. Bd. XII/1. S. 231.

акционными Россией и Пруссией²³. Вместе с этим в творчестве Гейне запах юфти получает и более широкое трактование, превращаясь не просто в символ России, а в символ насилия и деспотизма как таковых. В частности, он используется для критики Пруссии – поэта ужасает перспектива, «если бы Франция, мать цивилизации и свободы, погибла, и юнкерский язык из Потсдама вновь закрипел бы на улицах Парижа, и грязный тевтонский сапог вновь пятнал бы святую почву бульваров, и Пале-Рояль вновь пахнул бы юфтью...»²⁴. Символ юфти использовался Гейне и в еще более широком понимании, не связанном прямо с Россией или Пруссией. Таково его знаменитое высказывание из «Лютеции» (1854): «Будущее пахнет юфтью, безбожием, кровью и великим множеством палочного битья», выражавшее страх перед наступлением диктатуры «пастуха с железным посохом»²⁵. Некоторые исследователи видят в этих словах критику коммунизма и даже сталинизма²⁶, что, конечно, является телеологическим преувеличением. В целом же запах юфти в произведениях Гейне по большей части связывался именно с Россией, а его источник отчетливо виден из следующего высказывания: встав на берегах Босфора, царь «подчинит все народы земного шара тому скипетру из юфти, который гибче и тверже стали и имя которому кнут»²⁷.

В первой половине XIX в. метафорическая трактовка запаха юфти получила широкое распространение, что отразилось даже в словарях. «Немецкий лексикон пословиц» 1870 г. зафиксировал два основных значения запаха юфти: «Выражение “это пахнет юфтью”, которому едва ли больше, чем четверть века, используется для обозначения превратного влияния России на Германию, а также вообще для напоминания о кнуте и схожих средствах наказания»²⁸. Будучи запахом кнута и, значит, угнетения и деспотизма в широком смысле, аромат юфти мог использоваться в качестве символа и для критики внутренней ситуации в Германии. В первую очередь это касалось Пруссии, которая из-за своей поли-

²³ Höhn. 2004. S. 119; Vormbaum. 2011. S. 84-86.

²⁴ DHA. Bd. XII/1. S. 109. Впрочем, и здесь возможна трактовка юфти как «русского» запаха, так как в период оккупации Парижа в 1815 г., на который намекает Гейне, заведомыми Пале-Рояля, тогда центра развлечений и проституции, были в том числе русские казаки. Ср. описание Пале-Рояля младшим современником Гейне П. Февалем как «здания скептического, чарующего, холодного, лишенного предрассудков, вольнодумца из камня, который однажды нацепил зеленую кокарду Камилла Демулена, а потом улажал казаков». Феваль. 1993. С. 261.

²⁵ DHA, Bd. XIV/1. S. 20.

²⁶ Lämke. 1998. S. 90.

²⁷ DHA. Bd. 13/1. S. 242.

²⁸ Wander. 1870. Bd. 2. Sp. 1028.

тической системы и династической близости к России критиковалась особенно сильно. Так, в одной из сатирических комедий известного публициста Р.Е. Прутца проект нового прусского уголовного закона сравнивается с нагайкой, которая «чудесно пахнет русской юфтью»²⁹. Немецкий поэт-демократ Георг Гервег также использовал такие русские понятия, как *кнут* и *юфть* в качестве образов для критики внутренней политики в германских странах³⁰. В его «Ксениях» (1841) юфть фигурирует как символ одновременно внутренних и внешних препятствий немецким свободе и единству: вместо «роскошного издания» Германии немцы получают ее «переплетенной в русскую юфть»³¹.

Протест против влияния России на германские дела и критика собственных правительств часто были едва различимы. Широко распространилось убеждение, что отсталые политические порядки во многих германских государствах были связаны с той ролью, которую сыграла Россия в 1813–15 гг. Как саркастически писал Гофман фон Фаллерслебен, популярный немецкий поэт и убежденный националист, «москвитские орды» освободили Германию, но зато теперь она вынуждена ходить в юфти и есть русскую икру³². Метафора запаха лучше чем какая-либо другая позволяла показать, как исходящее от России политическое влияние пронизывает Германию: для освобождения от Наполеона немцы были вынуждены воспользоваться русской помощью, но «как тяжело и надолго легла на нас из-за этого эта русская дружба, и какой юфтяной запах приобрело с тех пор все наше внутреннее развитие»³³.

Мощнейший толчок антирусской публицистике дала революция 1848–49 гг. Активно использовавшиеся в ней «юфтяные» метафоры, как и прежде, означали как Россию³⁴, так и антиреволюционные силы внутри самой Германии³⁵. Революционное возбуждение, подогревавшееся, с одной стороны, страхами русского вторжения и, с другой, мечтами о войне с Россией как «огненной пробе» для будущей единой Германии, способствовали распространению антирусских стереотипов. Отныне о юфти писали не только поэты и публицисты, но и безымянные народные авторы, состязавшиеся в остроумии по поводу «страны юфти», «юфтя-

²⁹ Prutz. 1845. S. 75.

³⁰ Pape. 1992. S. 460-461.

³¹ Herwegh. 1909. S. 133.

³² Hoffmann von Fallersleben. 1841. 1. Theil. S. -9.

³³ Deutsche Museum. 1864. Juli-Dezember S.607

³⁴ Der Wiener Parnass im Jahre 1848. 1882.S. 175, 233.

³⁵ Так, в одном из памфлетов проводилась параллель между порядками в прусском Шпандау и «страной юфти»: <http://edocs.ub.uni-frankfurt.de/volltexte/2006/5676>

ной свободы», «торговца икрой Кнutowa-Юфтяного» и т.д.³⁶. Подобная символика не оставалась просто пропагандой, но находила отклик в немецких умах, о чем, например, свидетельствуют дневниковые записи³⁷.

Поражение революции символически изображалось как усиление запаха юфти. Гоффманн фон Фаллерслебен писал, что «немецкая весна больше не распространяет аромат, а воняет юфтью»³⁸. И вновь это был запах не только России, но и победившей реакции, как и раньше, особенно характерный для Пруссии – ведь Берлин отныне источал запах кнута и юфти³⁹. В качестве средства критики Пруссии именно ольфакторный символ являлся особенно эффективным. Пруссия дискредитировалась путем сравнения или даже уравнивания с Россией, и для этой стратегии обычный визуальный символ (например, русский медведь) не годился – его невозможно было спроецировать на Пруссию. В отличие от этого, динамичная метафора запаха позволяла показать, как чужое влияние приходит извне, распространяется, усваивается и остается.

После революции 1848–49 г. запах юфти продолжал играть роль своеобразного метафорического оружия в руках внутригерманских противников Пруссии. Речь шла не только о либералах и демократах, критиковавших таким образом прусскую политическую систему, но и о конкурентах Берлина по Германскому союзу, в первую очередь, о Баварии и Австрии. Так, например, баварская газета «Фольксботе» использовала символ юфти для критики как внутригерманской, так и европейской политики Пруссии. В первом случае подчеркивалась необходимость сохранения независимости Баварии – она «не должна запахнуть юфтью». Во втором речь шла о «пахнувшей юфтью», т.е. излишне прорусской позиции Пруссии во время Крымской войны⁴⁰.

В середине XIX в. метафоризация запаха юфти достигла апогея. Особенно популярным этот образ оставался среди радикальных и либеральных кругов. Гораздо в меньшей степени он находил отклик в консервативной среде, хотя был вполне известен и здесь. Так, Бисмарк вспоминал, что прусских консерваторов упрекали в том, что «мы пахнем юфтью, и называли нас казаками со Шпреи»⁴¹. Коренное изменение политических условий в связи с созданием в 1871 г. Германской империи повлекло за собой и дальнейшую эволюцию символа юфти.

³⁶ См.: *Abert*. 1977.

³⁷ *Gasser*. 2010. S. 264.

³⁸ *Hoffmann von Fallersleben*. 1849. S. 16.

³⁹ *Freiheitsklänge*. 1850. S. 87.

⁴⁰ *Der Volksbote*. 18. Juni 1856; 31. Juli. 1855.

⁴¹ *Bismarck*. 1898. Bd. 1. 1898. S. 171.

После 1871 г. запах юфти начал постепенно утрачивать свои критические функции и вместе с ними символический потенциал. Запах юфти в смысле «превратного влияния России на Германию» потерял всякую политическую релевантность. Использование этой метафоры против Пруссии было отныне невозможно ни со стороны Баварии, ставшей частью одного с Пруссией государства, ни со стороны Австрии, превратившейся в верного союзника Германии. Наконец, «запах юфти» как средство критики либералами политической системы Пруссии также терял актуальность в связи с тем, что либералы и часть демократов приветствовали объединение Германии вокруг Пруссии.

Все это привело к тому, что на символическом уровне запах юфти стал связываться почти исключительно с Россией, причем обозначилась важная тенденция – он во все большей степени начинал символизировать не столько русскую политику, сколько русский народ.

Собственно, эта тенденция обозначилась задолго до 1871 г. Используя юфть как символ России, немецкие авторы обычно не проводили четкого подразделения между Россией как государством и русским народом, что приводило к перенесению негативных качеств политической системы на самих русских. С другой стороны, с помощью «юфтяных» метафор демонстрировалось национальное превосходство немцев.

Запах юфти служил, в частности, средством изображения неполноценности русской культуры. Хоффманн фон Фаллерслебен утверждал, что «русская культура годится лишь для России», сводя её к кнуту, салу и с помощью метафоры юфти заставляя её «вонять»⁴². О «неистребимом юфтяном запахе всей московитской культуры» писал также один из лидеров левого литературного течения «Молодая Германия» Карл Гуцков. Хотя вражда к России у Гуцкова, как и у других представителей этого течения, объяснялась преимущественно политическими мотивами⁴³, «юфтяной запах» русской культуры он связывал не столько с «русским деспотизмом», сколько с качествами самих русских – они «сделаны из мягкого теста», ребячливы и суеверны⁴⁴.

После 1871 г., когда немецкое общественное мнение, с одной стороны, уже не нуждалось во многих политических функциях «юфтяной» символики и, с другой, становилось все более националистическим, запах юфти все более превращался в некий признак «русскости». Например, в этом смысле использовал символ юфти немецкий дипломат, опи-

⁴² Hoffmann von Fallersleben. 1842. S. 200-201.

⁴³ Webber. 1992. S. 590-618.

⁴⁴ Gutzkow. 1842. S. 49-52.

сивая русского министра иностранных дел А.П. Извольского: «Он... немного сноб, всегда одевается à l'anglaise по новейшей моде. Для истинно русских (Nationalrussen) он слишком мало пахнет юфтью»⁴⁵.

Если запах юфти становился некоей эманацией «русской сути», он мог одухотворять собой все, что соприкасалось с Россией и русскими. Юфтью запахло даже то, что, казалось бы, не может издавать запаха – музыка: «Увертюра, на мой вкус, чересчур русская, она слишком пахнет юфтью и имеет вкус кнута. Иногда мне представлялось, будто дирижерская палочка сделана из кожи и посылает свинцовые пули», – отзывался в 1871 г. один из критиков об увертюре «Деметриус» (по драме Шиллера о царевиче Дмитрие) немецкого композитора Й.Г. Рейнбергера⁴⁶. Если дурно пахла даже музыка немецкого композитора, то русскому повезло еще меньше. Авторитетный венский музыкальный критик Э. Ганслик писал в 1881 г. о скрипичном концерте П.И. Чайковского, что он «переносит нас в грубое унылое веселье русского церковного праздника. Мы видим сплошь пустые пошлые лица, слышим грубую ругань, чувствуем запах сивухи... Концерт Чайковского впервые подводит нас к ужасной идее о существовании музыкальных произведений, которые воняют»⁴⁷.

Два этих высказывания обозначают важную тенденцию – со временем запаха юфти стало недостаточно, чтобы служить ольфакторным символом всего «русского». В 1871 г. запах юфти трактовался в качестве политического символа, через кнут и пули. Однако одним только запахом юфти оказалось невозможно удовлетворить потребности растущего немецкого национализма. Он становился все более расовым и агрессивным, в политике речь шла часто уже не столько о критике русского царизма, сколько о национальной конкуренции, борьбе за существование. Между тем, в метафоре юфти, по своему происхождению «политической», отсутствовали очевидные оценочные указания на превосходство немцев, в том числе расовое. Для этого русские должны были запахнуть по-другому – потом, грязью, той же сивухой. Подобные запахи указывали на телесную и подразумевали моральную нечистоту русских, что позволяло проводить различие между русскими и немцами согласно классической антитезе грязного и чистого. В результате запах юфти к началу XX в. утерял функции главного ольфакторного символа России, превратившись лишь в одну из составляющих специфического «русского аромата». На взгляд корреспондента немецкой газеты «Кёльнише цайтунг»,

⁴⁵ Adlgasser, Friedrich. 1997. S. 83.

⁴⁶ Signale für die musikalische Welt. 8. November 1871.

⁴⁷ Hanslick. 1886. S. 296.

в 1911 г. специально обратившегося к этому вопросу, «русский аромат» состоял из запахов юфти, папирос, восточных ковров, потного белья и отбросов. Этот «русский парфюм», «острый животный запах народа» пронизывает всю Россию⁴⁸.

Даже немецкие социал-демократы, самые непримиримые враги «русского деспотизма», традиционно использовавшие метафору юфти в ее «политическом» измерении, не избежали этого поворота. С одной стороны, у них сохранилась традиционная «идеологическая» трактовка юфти: «Во времена Священного союза юфтевый сапог встал на горло народов Центральной Европы»⁴⁹. Однако, например, карикатура «Марианна и юбилей Романовых», опубликованная в 1913 г. в их сатирическом журнале, несет в себе совсем другую смысловую нагрузку. В первой части карикатуры изображена любовная сцена между французской символической фигурой Марианной и Николаем II, во второй части Марианна, оставшись одна и раздеваясь ко сну, произносит следующий текст: «То, что я принесу домой запах юфти, я ожидала, но что еще и вшей – бррр!»⁵⁰. Несмотря на упоминание Романовых, карикатура не имеет ничего общего с критикой «русского деспотизма». В отличие от юфтяного запаха Пруссии за полвека до этого, юфтяной запах Франции имеет совершенно иной смысл. Запах юфти понимается не политически, а национально и связывается со вшами – символом телесной нечистоты. Таким образом, совсем иначе, чем некогда Пруссия, Франция дискредитируется не ссылкой на союз со «страной кнута», а из-за своей близости с грязным, некультивированным, варварским народом. Этот тезис получит чрезвычайно широкое распространение в немецкой пропаганде в начавшейся спустя год Первой мировой войне⁵¹.

Уменьшение символического значения запаха юфти из-за постоянного сокращения олицетворявшихся им смыслов происходило не одномоментно. Даже после Первой мировой войны этой метафорой пользовались, например, для того, чтобы указать на континуитет между царской и большевистской Россией. Так, известный немецкий публицист А. Паке считал, что ЧК, «типично русская организация», сменив царских жандармов, «придала русской революции тот юфтяной запах, который напоминает о кнуте Ивана Грозного»⁵². Для консервативного публици-

⁴⁸ Цит. по: *Paddock*. 2010. P. 162.

⁴⁹ *Braun, Eichler*. 2000. S. 258.

⁵⁰ *Der wahre Jakob*. 22 März. 1913.

⁵¹ См. подробнее: *Медяков*. 2011.

⁵² *Raquet*. S.78-79. О «русской теме» у Паке см.: *Кёнен*. 2010. Высказывание Паке 1933 г. представляет собой редкий пример позднего использования метафоры юфти в

ста А. Грабовского запах юфти также связывал старую и новую Россию: «Особенный запах пронизывает всю Россию, запах как бы подгнившей старой кожи. Его тотчас же чувствуешь, пересекая границу, и он оставляет тебя, лишь только ты оставляешь Россию. Этот запах был при царе, и он есть при большевизме. Он – единственное, что вечно в России»⁵³.

В реальности запах юфти не был вечным – ни как таковой, ни в качестве символа. В XX в. юфть перестала быть значимой экономической реалией, оставив свой неповторимый запах прошлому. Как символ юфть также мало что значила для новых поколений немцев и к тому же идеологически она не годилась в качестве лозунга борьбы против «еврейско-большевистской угрозы» в 1930-40-е гг. Однако, фактически сойдя с исторической сцены, юфть оставила после себя неожиданно ароматный шлейф, превратившись в духи.

В силу своей амбивалентности между ароматом и зловонием запах юфти в течение всего XIX в. имел тенденцию к парфюмеризации. Многие немецкие дамы считали его освежающим и успокаивающим нервы⁵⁴. Кроме того, юфтью пахли не только кнут и казацьи сапоги, но и дорогие изделия из кожи – портмоне, сумки, а также книжные переплеты. В межвоенный период этот парфюмерный потенциал запаха юфти был реализован. На дамские духи *Cuir de Russie* французского дома моды «Шанель» немцы ответили мужским одеколоном «Кёльнская юфть», или «Русская юфть», причем подчеркивалась особенная «мужественность» этого запаха. Так, один из героев знаменитого романа Х. Фаллады «Волк среди волков» выбирает одеколон «Русская юфть», так как «реклама гласила: «крепкий, мужественный, благородный»⁵⁵. Для поколений немцев после Второй мировой войны само понятие «юфть» было уже мало знакомо, и не случайно культовый немецкий мужской одеколон 1960-х гг. назывался уже не «Русская юфть», а «Русская кожа».

Превратившись в духи, запах юфти, тем не менее, никогда не терял своих «русских» коннотаций. Иногда даже предпринимались попытки использовать его парфюмированный вариант в старом смысле политического символа. Например, журнал «Шпигель», анализируя в 1949 г. русско-германские отношения 1939-1940 гг., отмечал, что «в немецкой

качестве символа насилия и диктатуры, что делает ее применимой и к нацистской Германии: «Хуже всего – это психологическое давление, атмосфера в сегодняшней Германии, этот юфтяной запах сапог и плетки, этот запах крови, дико возбужденных массовых собраний и за всем этим запах казармы». – Цит. по: *Häfner*. 2005. S. 51.

⁵³ *Grabowski*. 1929. S. 348.

⁵⁴ См. напр.: *Gayette-Georgens*. 1870. S. 38.

⁵⁵ *Фаллада*. 1990. С. 105.

внешней политике тех лет «Русская юфть» была еще хорошо пахнущим парфюмом»⁵⁶. Однако то было скорее исключение. Именно политическая деактивация запаха юфти в качестве символа позволила производителям ссылаться в рекламе одеколона не только на особенности собственно запаха, но и на уже безопасный исторический и политический контекст юфти в Германии, активно используя образы казаков и даже ссылаясь на запах их сапог.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что образ России в Германии XIX в. создавался с помощью не только традиционных визуальных и нарративных символов, но и путем ольфакторного символизма, в центре которого был запах юфти. Подобная ситуация стала следствием, с одной стороны, самого наличия уникального аромата – с вековой историей, неповторимыми особенностями и безусловно русским происхождением. С другой стороны, важной предпосылкой выступили политические реалии раздробленной Германии после 1815 г. Разочарование либеральных кругов несостоявшимся объединением и их протест против политической реакции в германских государствах вылились в отвержение и ненависть ко всему русскому. Издавна известный в качестве «русского», запах юфти в этих условиях превратился в богатый значениями символ, негативное содержание которого усиливалось связью с такими образами, как казак, кнут и сапог. Этот символ оказался особенно востребованным благодаря своей ольфакторной специфике, а именно динамичности и переносимости с русской на другие реалии, что обусловило широкий спектр его применения, в том числе и в качестве орудия критики немецких политических порядков. В конечном счете, именно эта многозначность сделала запах юфти столь широко распространенным символом. Напротив, когда после 1871 г. ситуация в Германии и немецкий образ России стали меняться, запах юфти начал утрачивать свои символические смыслы и в конце концов деградировал просто до одного из парфюмерных ароматов.

На примере юфти можно отметить одну особенность ольфакторного символизма как одной из составляющих «образа другого» – позднейшие исследования должны определить, насколько она является всеобщей. Биологически обусловленная нечувствительность человека к собственному запаху и упоминавшаяся выше социокультурная предрасположенность считать «пахнущими» не свою, а чужие группы, находят соответствие и на уровне национальных символов. В отличие от визуальных образов медведя и казака, которые, будучи изначально западны-

⁵⁶ Der Spiegel. 02.06.1949.

ми стереотипами, превратились в русские национальные символы, запах юфти в этом смысле не находил в России практически никакого отклика. Свой запах не чувствовался – и чужой ольфакторный символ не воспринимался. Показательно, что подобное чутье демонстрировали скорее эмигранты, вырванные из политического и ольфакторного контекста России, как, например, А.И. Герцен⁵⁷. В остальном же действовала отмеченная в начале статьи максима – «плохо пахнут всегда другие».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Волков М.Я. Ремесленное и мелкотоварное производство юфти в России во второй половине XVI – первой половине XVII в. // Исторические записки. М.: 1973. Т. 92. С. 215-253.
- Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 18. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 122-221.
- Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 2. С. 280-309.
- Кёнен Г. Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев 1900–1945. М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.
- Медяков А.С. Ру Ку, или образ русских на немецких открытках Первой мировой // Родина. 2011. № 3. С. 82-87.
- Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. Иваново, 2008. 427 с.
- Строев А. Чем пахнет чужая земля. // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 2. С. 75-101.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999. Т. 2.
- Шаал Б., Руби К., Марлье Л., Суссиньян Р., Контар Ф., Трембле Р.Э. Изменчивость и универсалии в воспринимаемом пространстве запахов Межкультурные подходы к исследованию обонятельного механизма. // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1. С. 89-122.
- Фаллада Х. Волк среди волков. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 382 с.
- Феваль П. Горбун, или маленький парижанин. М.: Прогресс, 1993. 543 с.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 332 с.
- Abert G. Berliner Strassenecken-Literatur 1848/49: humoristisch-satirische Flugschriften aus der Revolutionszeit. Stuttgart: Reclam, 1977. 342 S.
- Adlgasser F., Friedrich M. (Hg.) Heinrich Friedjung. Geschichte in Gesprächen: Aufzeichnungen 1898-1919. Bd. II. Wien: Böhlau, 1997. 522 S.
- Bismarck O. Gedanken und Erinnerungen. Bd. 1. Stuttgart.: Cotta, 1898. 376 S.
- Braun B., Eichler J. (Hg.) Arbeiterführer, Parlamentarier, Parteiveteran: Die Tagebücher des Sozialdemokraten Hermann Molkenbuhr 1905 bis 1927. München: Oldenbourg, 2000. 405 S.

⁵⁷ Так, в «Новой фазе в русской литературе» он писал, что «высший свет Грибоедова лучше подделывается под Париж, хотя от него все еще несет юфтью за десять шагов». Герцен. 1959. С. 180.

- Classen C.* Worlds of Sense: Exploring the Senses in History and Across Cultures. London, New York: Routledge, 1993. 172 p.
- Classen C., Howes D., Synnott A.* Aroma: The Cultural History of Smell. London, New York: Routledge, 1994. 248 p.
- Corbin A.* Le Miasme et la Jonquille. L'odorat et l'imaginaire social. XVIIIe – XIXe siècles. Paris: Aubier Montaigne. 1982. 334 p.
- Deutsche Museum.* Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben. Leipzig: F.A. Brockhaus. 1864, Juli-Dezember.
- Diaconu M.* Tasten, Riechen, Schmecken. Eine Ästhetik der anästhesierten Sinne. Würzburg: Koenigshausen Neumann, 2005. 496 S.
- Freiheitsklänge: eine Sammlung politischer Gedichte der vorzüglicher Dichter des deutschen Volkes. Berlin: M.Simion, 1850. 248 S.
- Gasser W.* (Hg). Erlebte Revolution 1848/49. Das Wiener Tagebuch des jüdischen Journalisten Benjamin Kewall. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2010. 545 S.
- Gayette-Georgens J.M.* v. Geist des Schönen in Kunst und Leben. Praktische Aesthetik für die gebildete Frauenwelt. Berlin: Nicolaische Verlagsbuchhandlung, 1870. 392 S.
- Grabowsky A.* Das Land der Widersprüche/ Sowjetrußland im Übergang, in: Die Tat. Jena: 1929, XXI. H. 5. S. 342-348.
- Gutzkow K.* Vermittelungen. Kritiken und Charakteristiken. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1842. 284 S.
- Hackländer F.W.* Der Roman meines Lebens. Stuttgart: Verlag Carl Krabbe, 1879. Bd. 2. 384 S.
- Haeser H.* Archiv für die gesammte Medicin. Bd. 2. Jena: Friedrich Mauke, 1842. 385 S.
- Häfner R.Ch.* Frankfurt – ein literarischer Wegweiser, in: Gazzetti M. (Hg.) Frankfurt – literarische Spaziergänge. Frankfurt am Main; Fischer – TB, 2005. 207 S.
- Hanslick E.* Concerte, Componisten und Virtuosen der letzten fünfzehn Jahre. 1870–1885. Kritiken. Berlin: Allgemeiner Verein fuer Deutsche Literatur, 1886. 447 S.
- Heine H.* Die Düsseldorfer Heine-Ausgabe (DHA). Hamburg: Hoffman und Campe, 1973–1997. Bd.VIII/1; Bd. XI; Bd. XII/1.
- Herwegh G.* Werke in drei Teilen. Bd. 1, Berlin; Leipzig; Wien; Stuttgart: Bong & Co [1909].
- Hoffmann von Fallersleben A.H.* Unpolitische Lieder. 1. Theil, Hamburg: Hoffmann und Campe, 1841. 190 S.
- Hoffmann von Fallersleben A.H.* Spitzkugeln: Zeit-Distichen. Darmstadt, 1849. 33 S.
- Hoffmann von Fallersleben A.H.* Deutsche Lieder aus der Schweiz. Zürich und Winterthur, 1843. 264 S.
- Höhn G.* (Hg) Heine-Handbuch. Zeit-Person-Werk. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2004. 590 S.
- Hueck M.* “Der wilde Moskowit”. Zum Bild Russlands und der Russen in der deutschen Literatur des 17. Jahrhunderts. Überblick. // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9. – 17. Jahrhundert. München: W. Fink, 1988. S. 289-341.
- Kohl J.G.* Reisen im Inneren von Rußland und Polen: Die Ukraine. Kleinrußland. Dresden, Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1841. Bd. 2. 400 S.
- Kopelew L.* Heinrich Heines russische Phantasien // Russen und Russland in der politischen Lyrik der Befreiungskriege, in: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871). München: W. Fink, 1992. S. 547-590.

- Krünitz J. G. (Hg).* Oekonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats-Stadt- Haus- und Landwirthschaft. Berlin: Joachim Pauli, 1784. Bd. 31.
- Lämke O.* Heine, Lutèce et le communisme. Une nouvelle conception de l'histoire après 1848? // *Revue Germanistique Internationale* (9) 1998, S. 89-101.
- Marperger P.J.* Moscovitischer Kauffmann. Lübeck: In Verlegung Peter Böckmann, 1705. 158 S.
- Paddock T.R.E.* Creating the Russian Peril. Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890–1914. Rochester, N.Y.: Camden House, 2010. 263 p.
- Paquet A.* Der Geist der russischen Revolution. Leipzig: Kurt Wolff (o/d). 109 S.
- Pape W.* Eispalast der Despotie. Russen- und Russlandbilder in der politischen Lyrik der Vormärz (1830–1848) // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871)*. München: W. Fink, 1992. 435-473 S.
- Prutz R.E.* Die politische Wochenstube. Zürich und Winterthur, 1845. 151 S.
- Rietschel E.* Erinnerungen aus meinem Leben. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1962. 131 S.
- Rindisbacher H.J.* The Smell of Books: A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992. 371 p.
- Scheidegger G.* Perverse Abendland - barbarisches Russland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse. Zürich: Chronos, 1993. 327 S.
- Signale für die musikalische Welt.* Leipzig, 8. November 1871.
- Der Spiegel.* 02.06.1949.
- Stark K.W.* Allgemeine Pathologie oder allgemeine Naturlehre der Krankheit, Bd. 1. Leipzig: Breitkopf u. Härtel, 1838.
- Synnott A.* The Body Social: Symbolism, Self, and Society. L.; N.Y.: Routledge, 1993. 309 p.
- Der Volksbote* für den Bürger und Landmann. 18. Juni 1856; 31. Juli. 1855.
- Vormbaum Th.* Diagonale - Beiträge zum Verhältnis von Rechtswissenschaft und Literatur. Berlin: LIT Verlag, 2011. 300 S.
- Der wahre Jakob.* 22 März. 1913.
- Wander K.F.W. (Hg.):* Deutsches Sprichwörter-Lexikon, Band 2. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1870-1872. Bde. 2, 5.
- Webber M.J.* Distanz und Kritik. Das Rußlandbild der Jungdeutschen. // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871)*. München: W. Fink, 1992. S. 590-619.
- Der Wiener Parnass im Jahre 1848.* Wien, 1882. 463 S.
- Wunderlich C.A.* Handbuch der Pathologie und Therapie. Stuttgart, 1850. Bd. 1. S. 180.
- Медяков Александр Сергеевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории МГУ им. М.В.Ломоносова; medyakov@hist.msu.ru